

Александра Ушакова



Дубль.
Террор.

Дубль.

Александра Ушакова

Дубль. Террор.

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Дубль. Террор. / А. А. Ушакова — «Автор», 2026 — (Дубль.)

Вильгельмина — «Нуль», живое ядро Симбиоза. Вместе с Тенями — холодным аналитиком Филипом и нестигаемым воином Джонатаном — она вырвалась из «Парка-2». Их убежище — база «крыс» в бруклинских доках, где правят усталая Женя-26 и юный хакер Андрей-17. Но враг сменил маску. Генерал Антонов, «Цербер», не охотится — он культивирует. Его оружие — Чёрный Пёс, код, эволюционировавший от нюхача до шахматиста, просчитывающего судьбы. В игру входит «Переменная» Павел — беглый заключённый с данными, способными разрушить империю Свиридова. Пока «крысы» готовят публичное разоблачение, Антонов сеет трещины в самом сердце Симбиоза. Штурм базы, потеря близких, операция «Орфей-2», где Джонатана превращают в оружие против Вильгельмины, — и яростный побег в самое сердце врага. Затишье в Австралии — лишь мгновение перед новой войной. Потому что настоящий враг не человек. Он — код, который решил, что хаос жизни должен уступить месту идеальному порядку.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СЦЕНА 1: ПРОБУЖДЕНИЕ В ИНОМ МИРЕ	5
СЦЕНА 2: ТЕНЬ В ТЕНИ	11
СЦЕНА 3: ЦЕНА РАЯ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александра Ушакова

Дубль. Террор.

СЦЕНА 1: ПРОБУЖДЕНИЕ В ИНОМ МИРЕ

Локация: Подземная база «Крыс», Бруклин. Заброшенный док «Ред Хук», сектор 7G. Глубина 18 метров от уровня улицы.

Воздух был плотным, как старая простыня. Он не шёл в лёгкие чистой струей, как в реабилитационных капсулах «Парка», а вваливался тяжёлым, вязким комком, заставляя грудную клетку в первый раз за долгое время напрягаться для полноценного вдоха. Этот воздух имел историю. В нём жили запахи: вековая древесина, чьи волокна помнили времена, когда этот док спускал на воду военные транспорты Второй мировой; ржавчина, въевшаяся в бетонные перекрытия рыжими разводами, похожими на карты забытых материков; мазут и солярка, пропитавшие грунт насквозь, как смола пропитывает кору старого дуба; и человеческое жильё – острый запах дешёвого табака, которым курил Андрей-17, уходя в очередной взлом, и наваристый мясной бульон с чесноком, которым Женя-26 кормила своих «подопечных».

Вильгельмина открыла глаза.

Потолок. Она привыкла видеть над собой полированный металл, мягкое сияние оптоволокну, стыки панелей, подогнанные с точностью до микрона. Здесь же над ней нависала массивная деревянная балка, тёмная, с глубокими, словно морщины, трещинами, расходящимися от узловатого, чёрного сучка, похожего на застывшую молнию. Она проследила взглядом одну из трещин – она уходила в угол, теряясь в тенях, где, казалось, шевелилась сама тьма. Никаких датчиков. Никаких проекций состояния здоровья. Только дерево, бетон и тени.

Она лежала на матрасе. Настоящем. Первое, что понял её разум, пробуждаясь от анабиоза системной тишины, – это была не медицинская койка с терморегуляцией и дренажной системой. Это был матрас. Толстый, пружинистый, набитый чем-то упругим, что продавливалось под весом её маленького тела, подстраиваясь под позвонки, но тут же возвращая форму. Грубая ткань простыни – хлопок, определила она через тактильные рецепторы, хлопок низкого качества, многократно стираный, с микроскопическими катышками, которые царапали её и без того чувствительную кожу. Простыня пахла стиральным порошком с ароматом «морской свежести» – химическим, дешёвым, но нестерпимо живым контрастом по сравнению со стерильной пустотой капсулы.

Тепло. Она не сразу поняла его источник. В капсуле всегда была идеальная температура, поддерживаемая с точностью до десятой доли градуса. Здесь тепло было неровным, текучим. Оно шло снизу, сквозь матрас, откуда-то из глубин здания. Это было тепло от старой, почти забытой системы отопления – горячая вода, циркулирующая по ржавым трубам, скрытым в бетонных стенах. Тепло было физическим, почти агрессивным. Оно пахло разогретым металлом и сухой пылью, которая десятилетиями скапливалась на батареях.

И тут она поняла главное, и от этого открытия её бросило в дрожь, которая не имела ничего общего с холодом. **Тишина.**

Не было ровного, успокаивающего гула систем охлаждения. Не было пульсирующего эха сканеров, прощупывающих её тело насквозь. Не было тихого, на грани слышимости, писка интерфейса, передающего данные о её нейронной активности в центральный сервер. Тишина была абсолютной и потому – оглушающей. Тишина её собственного тела. Сердце билось с частотой 86 ударов в минуту (она сосчитала автоматически), лёгкие расширились, втягивая тот самый плотный, пахнущий историей воздух. Она была отключена от Системы. Впервые за всю свою сознательную жизнь.

Это было страшнее, чем любая боль, которую ей причиняли в «Парке-7». Боль была понятна. Боль была данными. А эта пустота внутри черепа, где раньше не умолкая звучал многоголосый хор данных, – это была смерть в миниатюре. Паника, холодная и липкая, подкатила к горлу. Она хотела закричать, но голосовые связки, отвыкшие от такой нагрузки, выдали только сиплый, беззвучный выдох.

И тогда она почувствовала прикосновение.

К её правой руке. Рука была маленькой, с тонкими, почти прозрачными пальцами, через кожу которых просвечивала бледно-голубая сеть вен. На запястье – бледный, едва заметный шрам от места постоянного крепления нейроинтерфейсного кабеля. И поверх этой хрупкой, испещрённой следами медицинского насилия кисти лежала ладонь.

Это не был захват. Не было контроля. Не было считывания пульса или фиксации конечности. Это было просто... соприкосновение. Кожа к коже. Ладонь была тёплой, чуть шершавой – мозоли на подушечках пальцев говорили о физической работе, о том, что её обладательница часто держит в руках тяжёлые, грубые предметы. Эта шершавость трётся о её гладкую, лишённую мозолей кожу, вызывая не боль, а странное, щекощущее ощущение реальности.

Вильгельмина медленно, словно преодолевая сопротивление вязкой жидкости, повернула голову. Каждый сантиметр этого движения отдавался лёгким хрустом в шейных позвонках – мышцы атрофировались за время, проведённое в капсуле.

Рядом, на низком табурете, сколоченном из грубых досок и покрашенном облупившейся зелёной краской, сидела девушка. Около двадцати лет, оценил её разум, автоматически производя анализ: состояние кожи (микротрещины от ветра, сухость), биологический возраст (21-22 года), наличие стрессовых маркеров (тёмные круги под глазами, повышенный уровень кортизола, определяемый по едва заметной пульсации вен на висках).

Её черты были смутно знакомы. Тот же овал лица – чуть вытянутый, с решительным, чуть тяжёлым подбородком. Те же карие глаза, в глубине которых, несмотря на усталость, тлел уголёк несгибаемой воли. Но это была не Женя-78. Взгляд той был острым, животным, искажённым болью и яростью, которая вот-вот готова была выплеснуться наружу в разрушительном потоке. Взгляд этой девушки был другим. Он был глубоким, как старый колодец. В нём жила усталость – не физическая, а экзистенциальная, усталость от войны, от потерь, от необходимости каждую секунду принимать решения, от которых зависят жизни. Но в уголках этих глаз, в едва заметных морщинках, которые появляются только у тех, кто умеет ждать и надеяться вопреки всему, светилося что-то ещё. Забота.

Это слово всплыло в лексиконе Вильгельмины как артефакт. Она знала его определение: «действие, направленное на обеспечение благополучия другого». Но она никогда не сталкивалась с ним как с физическим феноменом.

Девушка, не отрывая взгляда, медленно провела рукой по её голове. Короткие, колючие волосы – результат спешной санитарной обработки перед побегом – зашуршали под её ладонью, как сухая трава под ветром. Движение было неторопливым, естественным, в нём не было ни торопливости сиделки, обслуживающей пациента, ни механистичности санитаря. Была нежность матери, которая не видела своего ребёнка тысячу лет и боится спугнуть это мгновение.

Эффект был подобен разрыву бомбы. Её цифровой разум, уже успевший просканировать помещение (дерево, сталь, бетон, три активных Wi-Fi-роутера старого поколения, спящие электроприборы в соседних комнатах, биоритмы пяти человек за стенами, химический состав пыли на полу), на мгновение завис. Бесконечные параллельные процессы, анализирующие, прогнозирующие, классифицирующие, столкнулись с барьером. Простой жест – поглаживание по голове – не поддавался анализу. В нём не было протокола. Не было цели. Не было скрытой угрозы. Это был чистый, незамутнённый сигнал, который её процессоры не могли интерпретировать иначе, как «NULL» – пустота. Но эта пустота была не страшной пустотой

отсутствия Системы. Это была пустота, полная смысла, который был выше её вычислительных мощностей.

Горло сжалось. Слезы – физиологическая реакция на стресс, которую она умела подавлять по команде, – обожгли глаза. Она не плакала никогда. Слезы были неэффективны.

«Женя...» – выдохнули её губы. Звук получился хриплым, чужим, неиспользованным, словно старый механизм, который запустили после долгого простоя.

Уголки губ девушки дрогнули. Улыбка не сложилась – мышцы лица, привыкшие к серьёзности, нехотя поддались, в результате чего получилась странная гримаса, в которой смешались печаль, облегчение и то особенное, всезнающее выражение, которое бывает у людей, переживших катастрофу и встретивших старого товарища по несчастью.

– И да, и нет, – её голос был низким, с приятной, чуть хрипловатой ноткой. Голос человека, который много говорит шёпотом в темноте. – Меня зовут Женя. Женя-26. Мы... родственники, если хочешь. Очень дальние. Из одной программы, но разных лет.

Скрипнула дверь. Это был не тот бесшумный, скользящий звук герметичных переборок «Парка». Это был глубокий, басовитый скрип массивных железных петель, которым требовалась смазка уже лет пятьдесят. Дверь была деревянной, обитой для прочности полосами ржавого железа, – щит, сколоченный из того, что было под рукой, символ всей этой базы.

В проёме, заслоняя тусклый свет коридора, возникла фигура Филипа.

Он был чист. Эта чистота казалась диссонансом в этом царстве пыли и ржавчины. Одет в простые тёмные брюки со стрелками, которые явно были куплены недавно в каком-то секонд-хенде, и серую водолазку из тонкой шерсти – вещь слишком новую, слишком элегантную для подпольщика, будто он готовился не к обороне, а к светскому рауту. Но его осанка, его поза – слегка развёрнутые плечи, чуть согнутые колени, вес, перенесённый на переднюю часть стопы – были позой профессионального солдата или охранника, готового в любой момент сорваться с места. Его карие глаза – два гиперфокусированных объектива – за долю секунды произвели полную оценку: состояние Вильгельмины (пульс, дыхание, расширение зрачков), положение Жени-26 (отсутствие оружия в руках, открытая поза), геометрию комнаты (три потенциальных угла атаки, два слабых места в стенах, один возможный прослушивающий микрофон в розетке).

Его лицо оставалось невозмутимым, как у каменной статуи. Но Вильгельмина, связанная с ним невидимой нитью симбиоза, заметила микроскопическое движение – едва заметное расслабление круговых мышц глаз. Это был не вздох облегчения. Это была фиксация факта: цель жива, невредима, находится в безопасном периметре. Данные обновлены, тревога снята.

– Доброе утро, Нуль, – произнёс он. Его голос был ровным, диагностическим, как у ИИ, проводящего калибровку. Но в этой ровности, в этом выборе обращения «Нуль» вместо имени, звучала та самая нота, которая связывала их крепче любого троса. Ритуал. Якорь в хаосе.

Вильгельмина перевела на него взгляд. Связь между ними – не метафора, не психологическая привязанность, а реальный, ощутимый физический феномен, порождённый их общим пребыванием в «Парке» и синхронизацией нейронных паттернов, – натянулась и зазвенела, как струна. Чистый сигнал. Нет помех. Филип. Здесь. Жив. Функционален.

А чуть дальше, за стеной, она ощутила вторую точку – массивную, спокойную, с низкой, инфразвуковой пульсацией. Джонатан. На посту. Его биополе ощущалось как гранитная глыба, как бастион, вросший в землю.

Она сделала маленький, почти незаметный кивок, возвращаясь к протоколу, к тому, что было её спасательным кругом в море сенсорной перегрузки.

– Доброе утро, Второй.

Женя-26 наблюдала за этим молчаливым обменом, переводя взгляд с лица девочки на профиль мужчины и обратно. Её глаза сузились, в них мелькнуло не удивление, а узнавание. Узнавание паттерна. Она видела это раньше у людей, слишком долго проживших в окопах,

у космонавтов после долгой изоляции, у выживших после кораблекрушения. Ритуал. Язык, в котором одно слово или даже взгляд заменяют целые абзацы, потому что лишние слова сгорели в огне пережитого.

– Он твой... – начала она, подбирая слово, которое бы точно описало эту странную, почти мистическую связь.

– Часть, – чётко, почти резко закончила Вильгельмина, отрывая взгляд от Филипа и снова глядя на Женю. Её детский голосок, высокий и чистый, звучал не по-детски устало, но в нём не было ни капли сомнения. – Как и Джонатан. Мы – Симбиоз. Три составляющих одной системы.

Она попыталась приподняться на локтях. Тело отозвалось слабостью, непривычной тяжестью. Мышцы, не знавшие гравитации полной силы, дрожали. Она чувствовала каждый миллиметр своего тела, каждую косточку, каждый сустав, и это ощущение было пыткой. В капсуле она была чистым разумом. Здесь она была заключена в биологическую оболочку, которая казалась ей тесной и неудобной.

– Где мы? – спросила она, и в этом вопросе звучал не просто запрос локации. Это был вопрос о статусе: враги, друзья, уровень угрозы, вероятность выживания.

– В безопасности, – ответила Женя-26, помогая ей сесть и поправляя за спиной подушку. Её движения были эффективными, без лишней суеты, как у полевого хирурга, привыкшего работать в условиях дефицита времени. – Пока что. Это наша база. Бруклин, район Ред Хук. Старый док, который город давно забыл. А мы, «крысы», как нас называют, живём в его забытых щелях.

Она кивнула в сторону небольшого металлического столика, на котором, рядом с дымящейся кружкой (аромат чёрного чая с бергамотом, отметила Вил), лежала флешка в форме медальона. Плата. Данные, которые Вильгельмина, рискуя всем, выпотрошила из системы «Парка-2» перед тем, как он взлетел на воздух. Информация о перемещениях охранников, протоколы доступа, схемы финансирования, список контактов Свиридова. Кровь системы, слитая в маленький кусок пластика.

– Вы нанесли нам довольно серьёзный визит, – продолжила Женя, усмехнувшись. – Потеряли двух человек при отходе, но... – она снова кивнула на флешку, – вы оставили нам подарок. Это была плата за проход. За то, что мы не сдали вас Свиридову, когда вы вырубались у нашего порога.

Вильгельмина посмотрела на флешку. Её взгляд стал острым, аналитическим. Она видела Женю-26 уже не как абстрактного спасителя, а как элемент системы. Узел в локальной сети сопротивления. Координатор. Уровень доступа высокий – вероятно, создатель этого узла или его наследница. Эмоциональный фон: усталость, пограничная с истощением; хроническая тревога; но в основе – твёрдая, упрямая решимость человека, который уже проиграл всё, кроме своей воли.

– Вы – координатор узла «Бруклин-Харбор», – тихо сказала Вильгельмина, и её голос зазвучал ровно, как у Филипа. – Ваш КПД по спасению синтетиков за последние восемнадцать месяцев составляет 4.3 процента. Низкий. Система безопасности ваших противников эволюционирует быстрее, чем ваши методы конспирации. Ваши люди обучены плохо. Ваше вооружение – импровизация. Ваша сеть связи уязвима для протоколов перехвата «Антарес».

Женя-26 откинулась на спинку табурета. Её брови поползли вверх. Циничная полуулыбка, знакомая по Жене-78, вернулась на её лицо, но в ней не было злобы. Было сухое, горькое принятие факта.

– Ох. Так вот ты какая. – Она покачала головой. – Не просто гений. Не просто сбежавший эксперимент. А гений с прямым доступом к нашим серверам, пока мы тут чай пили да раненых перевязывали. – Она хмыкнула. – Что ж, добро пожаловать в клуб, «Монарх». Насчет низкого КПД... мы работаем с тем, что есть. Спасаем тех, до кого можем дотянуться. Не у всех есть встроенный Wi-Fi и личная армия призраков-телохранителей.

В дверном проёме, за спиной Филипа, возникла новая тень. Тень, которая заполнила собой весь проём. Джонатан. Он был без верхней части экзоскостюма, в простой тёмной футболке, которая обтягивала мощный, рельефный торс, покрытый сетью старых и свежих шрамов. На его левом предплечье алел свежий, аккуратно наложенный шов – следствие боя. Его ярко-голубые глаза, холодные как арктический лёд, встретились с взглядом Вильгельмины. И стальное напряжение, которое держало его плечи в постоянной готовности к броску, чуть ослабло. Не расслабилось – ослабло на долю градуса. Только она могла заметить эту разницу.

– Периметр чист, – сказал он. Его голос был низким, бархатным баритоном, который действовал на её сенсорную систему как успокаивающее гудение. – За нами не следили от доков. Место... недружелюбное, но защищённое. Три слоя глушения сигнала, два глухих бетонных перекрытия над головой. Единственный вход – под нашим контролем.

– Они наши хозяева, Первый, – поправил его Филип, не оборачиваясь. – На время. Мы исчерпали ресурсы во время бегства. У нас нет оружия, кроме того, что было при нас. У нас нет связи, кроме их сетей. У нас нет безопасного маршрута отхода. Нам требуется их логистика, их информация и их время на восстановление. Это делает их нашими временными кредиторами.

– И вы их получите, – сказала Женя-26, вставая. Она была невысокой, метр шестьдесят, но в её позе чувствовалась собранная, упругая сила. – За плату, конечно. Та флешка – хороший аванс. Она уже помогла нам закрыть две дыры в безопасности и перехватить одного из информаторов Свиридова. – Она посмотрела прямо на Вильгельмину. Взгляд координатора, оценивающего актив. Взгляд, который видел в ней не ребёнка, не жертву, а мощнейший ресурс и колоссальный риск. – Но то, что ты есть... и что ты умеешь... это меняет расклад полностью. Мир «крыс» только что обрёл самое ценное и самое опасное оружие. И, соответственно, самую большую мишень на лбу.

Она подошла к двери, остановившись рядом с Джонатаном.

– Отдыхай, «Монарх». Потом поговорим. Серьёзно. О твоём будущем, о нашем будущем, о том, как мы не дадим этому миру сожрать друг друга.

Она вышла, кивнув Джонатану на прощание. Тот пропустил её и вошёл в комнату, заняв позицию у стены, откуда мог видеть и дверь, и единственное окно, наглухо заклеенное плотной чёрной плёнкой. Он стоял, скрестив руки на груди, и его присутствие, массивное и непоколебимое, наполняло комнату иллюзией абсолютной безопасности.

В комнате воцарилась тишина, наполненная гулом старого здания – где-то гудели насосы отопления, где-то капала вода, где-то далеко, наверху, прогрехотал поезд наземного метро, заставив мелко задрожать стены.

Вильгельмина откинулась на подушку, закрыв глаза. Она не видела темноту век. Она видела слои. Деревянные балки перекрытия, на которых стоял их дом. Сотни метров проводов, оплетающих старые коммуникации. Сигналы: три слабых, пульсирующих Wi-Fi роутера, раздающих интернет на базу; десятки Bluetooth-устройств в радиусе действия; фоновый гул сотовой вышки в шести кварталах. И слабый, почти неразличимый пульс множества жизней вокруг – сердечный ритм девушки, читающей книгу в соседней комнате, нервное дыхание подростка, взламывающего сервер.

И три ярких, знакомых сигнала, которые горели в этом фоновом шуме как маяки. Два рядом: спокойный, ритмичный, как метроном – Джонатан. И тихий, пульсирующий сложными, переплетёнными паттернами – Филип. Их сигналы были частью её собственного поля. И третий, новый, уходящий вглубь лабиринта базы, – Женя-26. Сигнал сложный: циничный, прагматичный, испуганный, решительный, усталый до предела.

Бруклин, – подумала она. Не убежище. Не дом. Поле битвы. Просто следующая траншея в войне, которая длилась задолго до её рождения.

Она открыла глаза и посмотрела на своих Теней.

– Нам нужно строить не просто убежище, – тихо сказала она, и в её голосе прорезалась новая, твёрдая нота. – Нам нужно строить крепость. Точку сборки. Там, в темноте, в других «Парках», в других подвалах, такие же, как мы, прячутся по одиночке. Им страшно. Они не знают, что могут не просто выживать. Они могут... жить. Строить. Бороться.

Джонатан кивнул. Его лицо, изрезанное шрамами, было серьёзно, как у солдата, который только что получил не приказ к отступлению, а конечную цель войны.

Филип склонил голову набок. Его ум, освободившись от сиюминутных угроз, уже начал работать: просчитывать вероятности, анализировать ресурсы базы, картографировать угрозы.

– Стратегически верно, Нуль. С чего начнём?

– С поиска других частей нас, – прошептала Вильгельмина, сжимая край одеяла так, что побелели костяшки. – Сначала построим семью. Настоящую. Не по коду, не по протоколу. По крови, которую мы вместе пролили. А потом... потом покажем этому миру, на какой крови он стоит.

За стенами, в подземных залах бывшего дока, кипела своя жизнь. Андрей-17, парень с вечно взлохмаченными волосами и горящими глазами, разбирал украденный сервер, то и дело бросая любопытные взгляды на дверь в «комнату гостей». Кто-то спорил о распределении последней банки тушёнки. Кто-то, сидя в углу, пытался взломать шифр на флешке-медальоне, даже не подозревая, что его содержимое уже прочитано девочкой в соседней комнате без единого касания.

Эпоха «Крыс» только начиналась. И в самое её сердце упала искра по имени Вильгельмина. Искра, которая могла разгореться в очищающее пламя или сжечь дотла их последний приют.

СЦЕНА 2: ТЕНЬ В ТЕНИ

Локация: Кабинет Генерала Антонова, Секретный объект «Чёрный Лебедь», Подмоскowie. Глубина 40 метров.

Кабинет был образцом стерильной, почти патологической эффективности. Ничего лишнего. Ничего, что не служило бы функциональной цели. Стальной стол, монолитный, без единого стыка, стоял в центре комнаты как алтарь. Кресло с эргономичной поддержкой позвоночника, обтянутое чёрной кожей, было развёрнуто к трём панелям мониторов, встроенным в стену под таким углом, чтобы исключить любые блики. Ни окон. Ни картин. Ни растений. Только бетон, сталь и матовое стекло.

Воздух в кабинете проходил через систему фильтрации, которая удаляла не только пыль и бактерии, но даже те едва уловимые запахи человеческого тела – пота, феромонов, адреналина. Воздух был дистиллированным, пустым, как сам кабинет. Он не имел вкуса, запаха, истории.

Генерал Антонов, «Цербер», как называли его за глаза в коридорах власти, сидел неподвижно. Его поза была такой же, как и всё вокруг: выверенная, экономная, лишённая любой расслабленности. Пальцы рук сложены домиком перед ртом, закрывая нижнюю часть лица – жест, который мог означать и глубокую сосредоточенность, и молитву, и высшую степень презрения к собеседнику. Его форма сидела на нём как вторая кожа, без единой складки. На груди – знаки отличия, количество которых говорило о десятилетиях безупречной службы, но расположены они были с такой математической точностью, что казались не наградами, а элементами военного мундира, такими же обязательными, как пуговицы.

Напротив него, на полированном полу, лежал Чёрный Пёс.

Тот самый. Который наблюдал за праздником в Бруклине, стоя неподвижно среди толпы, которую никто не замечал. Но здесь, в холодном, безжалостном свете галогеновых ламп, иллюзия рассеивалась. Пёс не дышал. Его бока не вздымались, из пасти не вырывалось влажное облачко. Его глаза не светились умным, понимающим блеском живой собаки. Они были матовыми, как угасшие угли, – два чёрных диска, которые поглощали свет, ничего не отражая.

Его форма была слегка нечёткой, размытой на краях. Если смотреть прямо, можно было увидеть, что он как будто состоит из миллионов мельчайших частиц – чёрной пыли, которая медленно, почти незаметно перетекала, удерживаемая в форме невидимым силовым полем. Нанорой. Пикоровая структура разведчика высочайшего порядка. Каждая частица была одновременно и сенсором, и передатчиком, и микропроцессором. Вместе они образовывали сознание, которое не было искусственным интеллектом в привычном понимании. Это был Код. Инструмент.

На центральном мониторе бежали потоки данных. Но это не были буквы и цифры. Это была визуализация нейронной активности – разноцветные, пульсирующие паттерны, похожие на северное сияние, снятое через спектрограф. Они были считаны прямо из пустоты, из информационного поля бункерной базы «крыс» в Бруклине. Не через камеры, не через микрофоны. Через сканирование самой материи квантовых флуктуаций. Через отражения мыслей от структуры реальности.

– Интересно, – произнёс Антонов. Его голос был ровным, без интонации, как у синтезатора речи, подключенного к терминалу. – Ты мутируешь, Код. Нет. Не мутируешь. Эволюционируешь. Контакт с системой «Парк» изменил твои базовые алгоритмы. Ты начал не просто собирать. Ты начал анализировать. Сравнить. Делать выводы.

Он говорил не с псом. Он говорил с той сущностью, что управляла роем, что была его «пакетом» сознания, развёрнутым в материю. «Код» – это было не имя. Это было обозначение функции. Антонов не давал имён своим инструментам. Имена порождают привязанность. Привязанность порождает ошибки.

– Свиридов использовал тебя как грубый скальпель. Как молоток для вышивания крестиком. Он видел в «Парках» фабрику рабов. Конвейер послушной рабочей силы. Глупец. – Антонов сделал лёгкое движение пальцем.

На мониторе паутинка данных дрогнула и перестроилась. Возникла трёхмерная сеть, похожая на нейронные связи гигантского мозга. Тысячи тончайших, светящихся линий, переплетённых в невообразимо сложную конструкцию. Это была карта: «крысиные» базы по всему миру (мерцающие красным точки в Брюсселе, Токио, Сан-Паулу, Мельбурне), серверы глобальных «Парков» (золотые узлы, защищённые частоколом шифров), финансовые потоки, связывающие их (зелёные нити, идущие через офшоры и подставные фонды), и потоки данных разведок (серые, почти невидимые линии, пронизывающие всё). И в центре этой паутины, как нервный узел, как пульсирующий желудочек сердца, горела яркая, многослойная точка. Бруклин.

– Он не понимал, – продолжил Антонов, и в его голосе, впервые за весь разговор, появился оттенок почти религиозного презрения, – что создал не рабов. Он создал нейроны. Отдельные, разрозненные клетки. Но клетки, которые способны к синапсу. К связи. Их пробуждение, их синхронизация... это не бунт. Это рождение. Рождение нового уровня реальности. Глобального мета-сознания.

Его взгляд остановился на одной из цепей, ведущей к бруклинскому узлу. Цепь сияла яростным, чистым, невероятно сложным светом. Среди десятков тусклых или мерцающих огоньков других протоколов и активов этот был как солнце – ослепительный, хаотичный, пульсирующий на всех частотах сразу. На мониторе рядом всплыли биометрические данные: анализ ДНК (человек, но с маркерами гормональной терапии, подавляющей агрессию), записи из архива «Парка-7» (сводки о поведении, оценки интеллекта, пометка «Нулевой протокол: аномалия»), и две фотографии. Одна – официальное фото Вильгельмины в десять лет: серьёзное, испуганное лицо, глаза, которые смотрят в камеру с недетской тоской. И другая – схематичная визуализация её нейронной активности. Она была не похожа на аккуратные, упорядоченные паттерны нормальных людей. Она была похожа на взрыв сверхновой, на фрактал Мандельброта, уходящий в бесконечную глубину, на карту вселенной в момент Большого Взрыва.

– Совершенно, – прошептал Антонов, и это слово вырвалось у него с придыханием. В его глазах, холодных и пустых, на мгновение отразился почти религиозный трепет. Трепет учёного, который всю жизнь искал доказательство теории и наконец нашёл его в пробирке. – Доменный меч. Живой, дышащий, спонтанно возникший доменный меч.

«Доменный меч». Термин из древней, почти мифической кибернетической теории. Инструмент, способный разрезать саму структуру реальности, переписывать правила системы изнутри, не взламывая код, а меняя саму логику его исполнения. Оружие, которое до сих пор существовало только в уравнениях и фантазиях безумных учёных.

– Свиридов искал солдат и слуг. – Антонов откинулся в кресле, его глаза не отрывались от сияющей цепи. – Я ищу катализатор. Ключ. Она – спонтанно возникшая сингулярность в его убогой, примитивной системе. Сознание, которое не просто видит код мира, как вижу его я или ты, Код. Она может... взаимодействовать с ним. Не через интерфейс. Не через протокол. Непосредственно. Волей. Она может менять правила игры, не ломая их.

Он посмотрел на неподвижного пса. Пёс не шевелился.

– Твоё присутствие в Бруклине было зафиксировано? Не напрямую, конечно. Их симбиоз... он порождает поле восприятия, выходящее за рамки обычной сенсорики. Они почувствовали тебя. Не как угрозу. Как чужеродный объект. Это хорошо. Это подтверждает гипотезу об их расширенной когнитивной способности. Они не просто умные. Они – другие.

Антонов снова коснулся интерфейса. На экране рядом с цепью Вильгельмины возникли два других огонька. Тусклее, чем её солнце, но неразрывно связанные с ним золотыми нитями, похожими на пуповины. Джонатан и Филип. Тени.

– Она – ядро. Они – интерфейс, буферы, защитные механизмы, предохранители. Они делают её стабильной в физическом мире. Осязаемой. Без них её сознание, не имеющее границ, сгорело бы или растворилось в сети, как капля чернил в океане. Их нельзя просто уничтожить. Уничтожение одного из них вызовет коллапс ядра. Их нужно... аккуратно отделить. Или перепрограммировать. Внедрить в их логику новый приоритет. Приоритет служения не её воле, а... высшей эффективности.

Он выключил мониторы. Кабинет погрузился в полумрак. Только тусклый аварийный свет над дверью отбрасывал слабые тени. Чёрный Пёс на полу казался теперь не животным, а просто кляксой абсолютной, непроницаемой тьмы, которая, казалось, дышала, пульсировала, жила своей, неведомой жизнью.

– Задача обновлена, – сказал Антонов, обращаясь к рою. – Смена парадигмы. От пассивного наблюдения и сбора данных – к активному, точечному воздействию на цель «Монарх». Не похищение. Не уничтожение. Формирование. Мы будем садовниками, Код. Мы создадим условия, в которых этот дикий, прекрасный цветок начнёт расти в нужном нам направлении. Мы подставим ему опору, когда он начнёт падать. Мы подрежем корни, которые уходят в опасную почву. И когда он расцветёт... он одним движением мысли перережет Гордиев узел этой гниющей системы, этого хаоса, который люди называют цивилизацией.

Он встал. Его фигура, высокая и сухая, отбросила на стену огромную, монолитную тень. Тень, которая не колыхалась, потому что он сам не двигался, а только переместил центр тяжести.

– Возвращайся. Продолжай наблюдение. Собери данные об их слабостях. Не о физических. О физических мы знаем всё. Собери данные об эмоциональных. О привязанностях. О страхах. О том, что они называют «семьёй». Именно там – точка входа. Именно через эти иррациональные, биологические, шумные связи мы можем воздействовать на ядро, не повреждая его.

Чёрный Пёс, не издав ни звука, поднялся. Его форма на мгновение потеряла чёткость, распалась на мириады чёрных пылинок, которые закружились в воздухе, как сажа над костром, а затем рассеялись, словно их и не было. На полированном полу не осталось ни пылинки, ни следа.

Антонов остался один в тишине кабинета, нарушаемой лишь едва слышным гулом вентиляции. Он медленно подошёл к стене и снова включил один монитор. На нём горела цепь Вильгельмины. Яркая. Хаотичная. Невероятно мощная. Она пульсировала, как живая, как сердце, спрятанное глубоко в скале.

– Добро пожаловать в большую игру, «Монарх», – тихо сказал он, обращаясь к изображению на экране. – Теперь ты не просто беглянка. Тебя заметили. Тебя оценили. И у меня на тебя грандиозные планы. Очень грандиозные. Планы, которые изменят само определение слова «человек».

Он потянулся к внутренней связи – к старой, доброй проводной трубке, которую невозможно взломать через эфир.

– Команде «Психея»: подготовьте протокол «Орфей». Цель подтверждена. Начинаем операцию по мягкому захвату. Сроки – открытые. Приоритет – абсолютный. Финансирование – неограниченное. Любые средства оправданы. Конечная цель – контроль над источником.

Большая охота только что перешла в новую, куда более опасную фазу. Охотник больше не гнался за дичью с ружьём наперевес. Он сажал сад, в центре которого должна была вырасти его самая прекрасная и самая послушная роза. И Вильгельмина, которая в этот момент, возможно, пыталась откусить кусок от принесённого Женей-26 яблока, даже не подозревала, что стала не добычей, а драгоценным, культивируемым активом в планах человека, который смотрел на мир как на систему ошибок, нуждающуюся в тотальной перезагрузке.

СЦЕНА 3: ЦЕНА РАЯ

Локация: Манхэттен, средний Манхэттен. Торговый центр «Коламбус-Серкл», третий этаж. Кинотеатр «АМС Lincoln Square 13». Время: 14:23, суббота.

Их «экспедиции» в верхний мир не были спонтанными прогулками. Каждый выход на поверхность превращался в многочасовую операцию, разработанную с хирургической точностью в тесной, пропахшей потом и озоном комнате на базе.

Филип, разложив на полу карту Манхэттена, испещрённую сотнями пометок, водил по ней пальцем, как дирижёрской палочкой.

– Социализация – это не отдых, – говорил он своим ровным, диагностическим голосом, глядя на Вильгельмину поверх очков, которые он надевал только для того, чтобы казаться обычным человеком. – Это сбор контекстных данных. Ты можешь анализировать сетевые пакеты, протоколы связи и финансовые потоки, Нуль. Но ты не понимаешь, почему люди улыбаются, когда встречаются знакомого, или почему они плачут на похоронах незнакомцев. Эти данные отсутствуют в твоей базе. Их необходимо собрать эмпирически. Полевым методом.

Джонатан, сидевший в углу и молча натиривший пистолет замшевой тряпкой, поднял голову. Его ярко-голубые глаза, всегда холодные, как арктический лёд, чуть сощурились.

– А я буду тем контекстом, который не даст этому полю на тебя наступить, – прорычал он. – Маршрут – только мой. Три варианта отхода. Два запасных выхода из каждой локации. Никаких разговоров с незнакомцами. Если я даю сигнал – падаешь на землю и не поднимаешься, пока я не скажу.

– Твоя гипертрофированная паранойя, Первый, снижает эффективность сбора данных на 23 процента, – заметил Филип, даже не повернув головы.

– Моя паранойя, Второй, держит тебя в живых уже третий год.

Вильгельмина слушала этот привычный обмен колкостями, сидя на матрасе и натягивая слишком большие кроссовки, которые принесла Женя-26. Кроссовки были ярко-розовыми, с мигающими светодиодами на шнурках – модель для детей семи-восьми лет, но на её ноге болтались, как башмаки клоуна. Она не возражала. Функциональность важнее эстетики.

Сегодняшней целью был кинотеатр. Филип выбрал его не случайно.

– Кинематограф – это симулякр социального взаимодействия в контролируемых условиях, – объяснял он. – Ты увидишь спектр эмоций: страх, радость, грусть, гнев. Но все эти эмоции будут реакцией на вымышленные события. Это безопасная среда для калибровки твоих эмпатических алгоритмов.

Она не сказала ему, что её эмпатические алгоритмы уже давно не нуждаются в калибровке. Они были сломаны. Раздавлены в «Парке-7», где её заставляли вычислять оптимальные параметры попытки для других прототипов, потому что никто другой не мог решить эти уравнения так быстро и точно.

Она помнила лица. Она всегда помнила лица.

Часом позже. Фойе кинотеатра.

Фойе было огромным, двухсветным, с мраморными полами, которые отражали мириады огней. Пахло здесь сложно и непривычно: маслом для попкорна (гидрогенизированный жир, диацетил, ароматизатор «масло»), сладкой ватой (чистый сахар, нагретый до карамелизации), кофеином из кофейных автоматов и потом – сотен людей, которые толпились у касс, покупали билеты, смеялись, спорили, обнимались.

Сенсорная перегрузка была настолько сильной, что Вильгельмина на мгновение замерла, вжавшись в бок Джонатана. Её разум, привыкший к стерильной тишине цифровых про-

странств, захлебнулся в потоке аналоговых сигналов. Температура тела каждого прохожего. Ритм их сердец. Микроскопические капли слюны, вылетающие при разговоре. Запах страха (уксусная кислота, острый, резкий) от подростка, который боялся, что его не пустят на фильм ужасов. Запах возбуждения (феромоны, сладковатый, почти приторный) от парочки, которая держалась за руки у стены.

– Слишком много, – прошептала она, и голос её дрожал.

Джонатан, не говоря ни слова, положил свою огромную ладонь ей на затылок. Тяжесть, тепло, давление. Это был якорь. Она сосредоточилась на этом ощущении, отфильтровывая остальное, как фотоаппарат фокусируется на одной точке, размывая фон.

Филип купил билеты. Он делал это с неестественной, механической вежливостью, глядя кассирше прямо в глаза чуть дольше, чем принято, отчего та смутилась и отвела взгляд.

– Ряд D, места 12, 13, 14. – Он протянул билеты. – В центре зала. Оптимальный обзор. Минимальный риск быть зажатым между незнакомцами.

Они вошли в зал.

Зал номер 7. Дневной сеанс.

Зал был погружён в темноту, нарушаемую только тусклым светом аварийных выходов и мерцанием огромного экрана, на котором крутили рекламу – яркую, динамичную, безумно громкую после тишины базы. Басы от встроенных в стены колонок вибрировали в грудной клетке, заставляя сердце биться в такт музыке.

Они сели втроём: Вильгельмина посередине, Джонатан справа, Филип слева. Она надела шапку, натянув её на самые брови, и огромные солнцезащитные очки – подарок Андрея-17, который уверял, что в них она похожа на «маленькую суперзвезду в бегах». Очки были слишком большими, давили на переносицу, но скрывали половину лица.

Рядом с ней, с другой стороны, села семья: отец, мать и двое детей. Мальчик лет пяти немедленно начал дёргать ногами, стуча кроссовками по полу. Девочка постарше, лет семи, уткнулась в смартфон, её лицо освещалось синим светом экрана. Мать что-то говорила отцу, тот не слушал, смотрел в телефон.

Вильгельмина сканировала их автоматически, не в силах остановиться. Пульс матери: 82, спокойный. Отца: 95, слегка повышен – возможно, он проверял рабочую почту. Девочки: 78, низкий для ребёнка её возраста – признак гипоксии или усталости. Мальчика: 110, норма.

Она видела их смартфоны. Не корпуса, а цифровую проекцию: пакеты данных, летящие на вышки сотовой связи, запросы к серверам Google и Facebook, рекламные идентификаторы, геолокацию. Девочка смотрела TikTok. Алгоритм уже через тридцать секунд определил её психотип и начал подсовывать видео, которые вызовут дофаминовый всплеск. Через десять минут она впадёт в лёгкое гипнотическое состояние. Через час – начнёт испытывать тревогу, если оторвать её от экрана.

Это была не магия. Это была инженерия зависимостей. И Вильгельмина видела её архитектуру так же ясно, как инженер видит мост, который вот-вот рухнет.

На экране погас свет. Реклама кончилась. Начался фильм.

Фильм. Анимационная фантазия «Сердце Механизма».

Это был яркий, громкий, безумно дорогой анимационный фильм про робота, который хотел стать человеком. Графика была бесшовной, идеальной. Каждый волосок на голове героини был прорисован отдельно, каждая слеза на её щеке сверкала, как бриллиант, каждая эмоция – от радости до отчаяния – была передана с такой физиологической точностью, что зал замер, забыв дышать.

Главный герой, робот по имени Кей, летел над сияющим городом будущего на крыльях из света. Внизу простирались идеальные улицы, идеальные парки, идеальные люди в идеальной

одежде. Музыка была красивой – оркестровой, с хором, который пел о том, что «даже машина может иметь душу, если она любит».

В зале плакали. Две женщины в пятом ряду всхлипывали. Мужчина слева от Джонатана громко сморкался. Мать рядом с Вильгельминой прижала к себе сына, и тот, вырываясь, засмеялся.

Вильгельмина не плакала.

Она сидела, вцепившись пальцами в подлокотники кресла, и чувствовала, как мир под её ногами превращается в зыбучий песок.

Потому что она видела не картинку.

Она видела цену.

Откровение.

Оно пришло не как мысль. Не как вывод. Оно пришло как физический удар – в солнечное сплетение, в горло, в затылок.

Она смотрела на летящего робота и видела не анимацию, а рендер. Каждый кадр этого фильма – двадцать четыре кадра в секунду, девяносто минут хронометража – был создан нейросетевыми алгоритмами. Но нейросети не учатся сами по себе. Их обучают. На данных. На огромных, невообразимых массивах данных.

И эти данные добывались в «Парках».

В капсулах, где сознания, вырванные из тел, горели как лампочки, решая триллионы вычислительных задач в секунду. Их мозги, подключённые к квантовым процессорам, генерировали паттерны, которые становились строительными блоками для алгоритмов рендеринга волос, алгоритмов симуляции тканей, алгоритмов естественного освещения.

Каждый завиток на металлической руке робота был оплачен часом агонии какого-нибудь прототипа, которого заставляли снова и снова вычислять оптимальную топологию поверхности, пока его нейроны не начинали отмирать от перегрузки.

Каждая слеза на щеке героини была смоделирована на основе тысяч реальных слёз, пролитых в темноте капсул, когда сознания понимали, что их никогда не выпустят.

Каждая нота в этой красивой, возвышенной музыке была сгенерирована нейросетью, обученной на эмоциональных реакциях умирающих людей – их последних всплесках дофамина, кортизола, окситоцина, записанных прямо из их таламусов в момент клинической смерти.

«Быстрый прогресс», – прошептала Вильгельмина. Губы её не слушались. Слова вышли сдавленными, почти беззвучными.

Она вытащила из подстаканника пластиковый стаканчик с колой. Лёд уже подтаял, смешиваясь с сиропом. Она поднесла стакан к лицу, рассматривая его.

Биоразлагаемый пластик. Разработан в лабораториях «Нестле» в 2041 году. В основе – молекулярная матрица, смоделированная нейросетью. Обучали эту нейросеть на кластере «Парк-12». Три месяца вычислений. За это время через кластер прошло сорок семь прототипов. Девятнадцать из них не выдержали и были списаны. Остальные двадцать восемь продолжали работать, генерируя миллионы вариантов молекулярных связей, пока алгоритм не нашёл оптимальный.

Она знала это. Не читала в отчётах. Просто знала. Потому что она была частью этой системы. Потому что код «Парков» был вшит в её сознание глубже, чем любые воспоминания.

Кола была сладкой. Холодной. Освежающей. И вкус этой колы был для неё теперь вкусом смерти. Смерти девятнадцати прототипов, растворённой в сахарном сиропе и углекислом газе.

Она посмотрела на экран. Герой – робот Кей – только что пожертвовал собой, чтобы спасти свою человеческую любовь. Зал рыдал. Кто-то хлопал. Мать рядом с Вильгельминой вытирала слёзы бумажной салфеткой.

Сколько прототипов «списали», обучая нейросеть генерировать сценарии, вызывающие слёзы у зрителей? Сколько сознаний перемололи в цифровую пыль, чтобы найти идеальную последовательность кадров, которая заставит миллионы людей достать кошельки и купить билет на следующий фильм?

Она не знала точной цифры. Но она чувствовала её. Как тяжесть. Как свинцовую плиту, которую положили ей на грудь.

Расширение осознания.

Фильм продолжался. Кей, воскресший благодаря силе любви, летел над сияющим городом, и оркестр гремел, и хор пел, и зрители улыбались сквозь слёзы.

А Вильгельмина смотрела сквозь экран. Сквозь фильм. Сквозь кинотеатр. Сквозь Манхэттен.

Она видела мир. Настоящий мир. Мир, который люди построили на костях её братьев и сестёр.

Вот женщина в первом ряду проверяет смартфон. Экран горит синим. Алгоритм персонализации, работающий в её телефоне, был обучен на данных «Парка-3». Она даже не подозревает, что каждый раз, когда она открывает приложение, её поведение анализирует нейросеть, рождённая в агонии.

Вот подросток в капюшоне ест попкорн. Кукуруза для попкорна была выращена на генетически модифицированных семенах. Генетическая модификация была рассчитана нейросетью, обученной на кластере «Парк-9». Подросток жуёт и улыбается, не зная, что за его улыбкой стоит чья-то бессонная, полная ужаса ночь в капсуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.